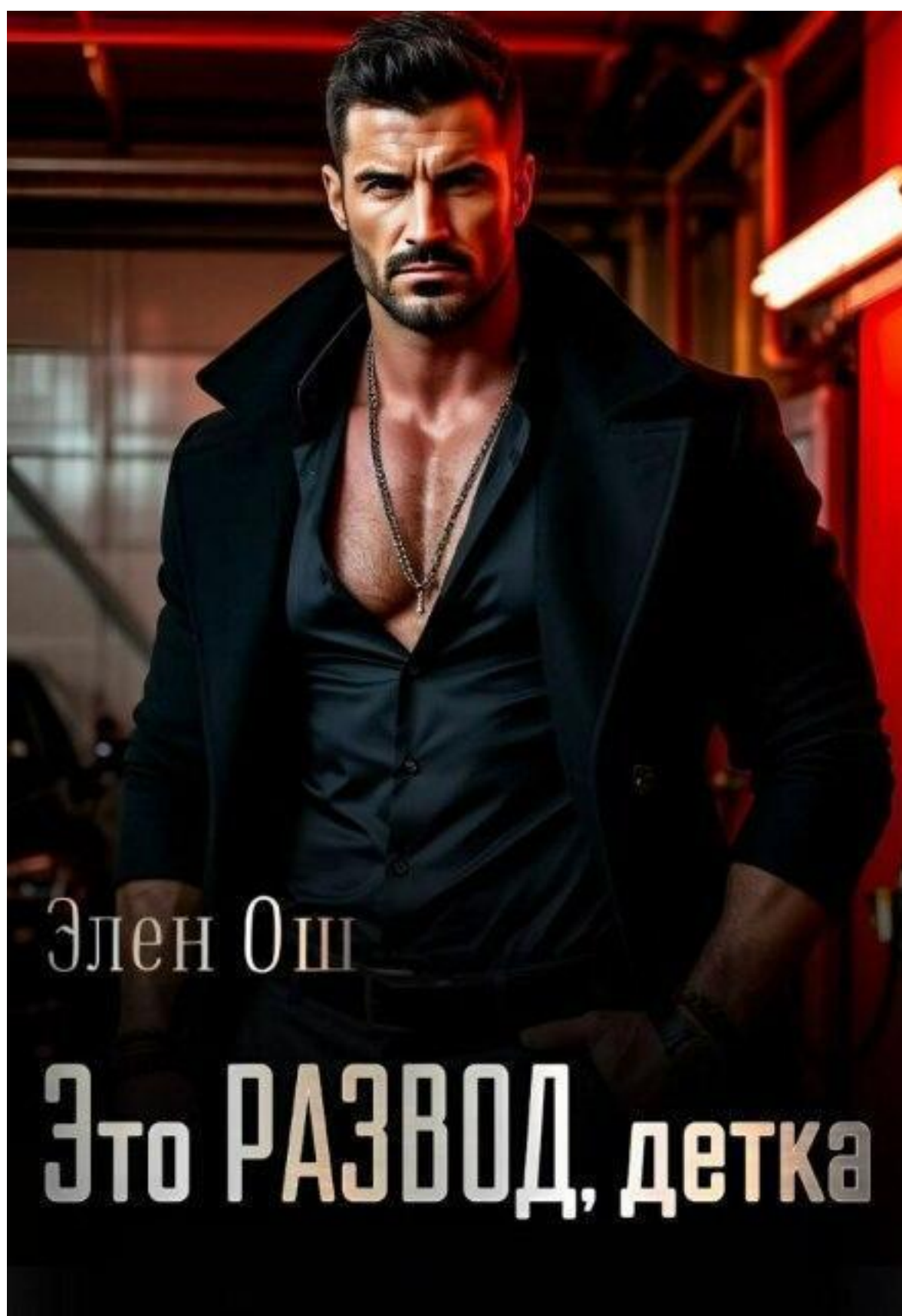

Элен Ош

Это РАЗВОД, детка

Элен Ош

Это развод, детка

«Литнет»

2026

Ош Э.

Это развод, детка / Э. Ош — «Литнет», 2026

Измена — только начало. Настоящая ловушка — долги, расписки, финансовая петля. Муж думал, что оставит меня нищей и сломленной. Ошибся. Теперь он разводится с женщиной, за спиной у которой встал человек из прошлого, которого все боялись. Волк. И он учит меня не выть от боли, а кусаться в ответ. От автора: История о женщине, которую предали, обманули, поставили на грань. Но она не сломалась. Ваши звёзды и добавление в «Библиотеку» помогают книге найти новых читателей! Спасибо, что вы с нами.

© Ош Э., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Петля	5
Глава 2. Сделка с волком	9
Глава 3. Цена и аванс	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1. Петля

Запах — первое, что ударило по мозгам, когда я переступила порог. Не просто запах бензина и масла. Нет. Это была сложная, многослойная композиция: горьковатый аромат дорогого кофе из соседней кофемашины, сладковатый шлейф новой кожи салонов, едкая нота сварки и... чего-то еще. Денег, что ли. Здесь пахло деньгами. Большими, мужскими, заработанными потом и, не побоюсь этого слова, кровью.

«Вольфрам». Название светилось хромированными буквами на черной стене за стойкой ресепшн. Не сервис — храм. По гладкому кафельному полу в клиентской зоне, холодному под тонкой подошвой моих кед, рассекали самоуверенной походкой мужики в рубашках поло с логотипами сервиса. За стеклянной стеной, отделявшей этот лоск от рабочего хаоса, мастера копошились во внутренностях каких-то монстров на подъемниках. Бентли. Мерседес G-класса. Какая-то низкая, приземистая рычащая машинка цвета запекшейся крови. Моя синяя, десятилетняя «Форд Фокус» в углу выглядела как заигравшийся на чужой вечеринке ребенок из бедной семьи. Смущенно, со спущенными штанишками.

— Диагностика показала сбой блока управления, — говорил мне парень с планшетом, щелкая по нему длинным ногтем на мизинце. У него были идеально уложенные волосы и взгляд, скользивший куда-то поверх моей головы. — Предварительно — замена. Плюс прошивка. От восьмидесяти тысяч. Плюс работа.

Цифры ударили по животу ледяным комом. Восемьдесят тысяч. Это больше, чем я получала в дизайн-студии. Это полгода выплат по одному из тех кредитов, что висели на мне гирями.

— Я... мне нужно подумать, — выдавила я, забирая у него листок с диагнозом. Бумага хрустнула в моей потной ладони.

— Конечно. Кофе? — он уже отвернулся.

Я кивнула, не в силах говорить, и поплелась к углу, к кожаному дивану цвета воронова крыла. Уселась, сжав в кулаке ключи от «Фокуса». Мой амулет. Моя последняя иллюзия свободы. На которую, оказывается, я уже даже починить денег не имею.

В голове стучало, как отбойный молоток. Фразы Никиты, сказанные вчера вечером, спокойным, ровным голосом, за ужином, который я готовила три часа: «Ты же понимаешь, Маш, я не могу допустить, чтобы наши разногласия повредили бизнесу. Квартира, к сожалению, завязана в схемах. Ипотека, маткапитал... все сложно. А вот долги по кредитам... они на тебе. Ты подписывала».

Я подписывала. Господи, как же я подписывала! «Дорогая, это формальность», «Маш, я же тебя не подведу», «Нам же так нужна эта машина/ремонт/поездка». И я верила. Я верила своему успешному мужу-предпринимателю. Как дура. А на деле он готовил мне эту ловушку, пока я верила в наш брак. Пока он изменял. И узнала я об этом только потому, что эта его любовница, видимо, решила, что у них уже все серьезно, и сама мне позвонила. Вежливо так представилась: «Анна, ассистент Никиты». И все рассказала.

В горле встал ком, горячий и противный. Нужно было поговорить. С кем-то. Иначе я взорвусь тут, на этом диване из дорогой кожи, и меня вынесут вместе с мусором.

Я вытащила телефон. Палец дрожал, промахиваясь мимо иконок. Нашла «Лера». Подруга. Помощник юриста. Единственный человек, кому я, рыдая, выложила вчера все про Анну. Она уже знала, что все кончено. Но не знала — ЧТО именно начинается.

Она взяла почти сразу.

— Маш? — ее голос был мягким, настороженным. — Как ты?

— Лер... — мой голос сорвался на шепот. Я нажала на громкую связь. Руки тряслись слишком сильно. — Лер, я... это не про него. Это про меня. Он... он все повесил на меня.

— Что «все»? Глубоко вдохни. Говори.

— Долги. Все долги. Его Lexus... в кредите на меня! А потребительский... Лер, на миллион двести! На «развитие логистики»! Я чеков даже не видела, только расписку...

— Стой. На фургоны для «НикТранса»? — голос Леры мгновенно сменился с поддерживающего на профессионально-острый. Я услышала стук клавиатуры.

— Да... Как ты...?

— Позже. Доверенность была? Генеральная? Чтобы ты могла за него подписывать?

Холод пополз по спине. Она выхватывала детали, как будто собирала пазл, который уже частично видела.

— Была... Для удобства, говорил... А теперь... теперь он говорит, я должна быть благодарна, если он долги на себя возьмет. А иначе... если из-за наших разборок сорвется контракт с «ФармаКолом», ущерб будут взыскивать и с меня. По доверенности. И залог по квартире... арендодатель может...

На другом конце провода воцарилась тишина, нарушаемая только мерным стуком клавиш. Потом Лера заговорила медленно, отчеканивая каждое слово, будто вбивая гвозди в крышку моего гроба.

— Маш. Слушай меня очень внимательно. Это не просто измена. Это схема. Идеально чистая.

Она выдохнула, я услышала, как ее пальцы забили по клавиатуре с новой яростью.

— Он вывел активы через маткапитал и свой брачный договор. А все риски повесил на тебя. Кредит на фургоны... — ее голос стал отстраненным, будто она читала внутренний отчет, — они уже не твои, я почти уверена. Переоформлены или сданы. А ты — живой залог за склад.

Я почувствовала, как кафель подо мной плывет, и судорожно впилась пальцами в край дивана.

— Этот твой «договор залога» — фикция, — отчеканила она. — Банк никогда не согласился бы. Любой суд порвет эту бумажку. Или это вовсе не залог, а расписка, которую он тебе подsunул. Но до суда...

— ...нужно дожить, — прошептала я за нее, и в трубке повисло тяжелое молчание.

— Да, — тихо подтвердила Лера. — Он будет этой бумажкой терроризировать тебя. Ты для него — идеальный козел отпущения. Не работаешь, но имеешь право подписи. Теневой со-должник. Он тебя не обманул, Маш. Он тебя развел. Как лоха. Вписал твою подпись везде, где опасно. Начал... судя по всему, лет пять назад.

Слово «развел» прозвучало не как оскорбление. Оно прозвучало как медицинский диагноз. Неизлечимый.

— Но квартира... — слабо попыталась я возразить. — Там же доля Софийки! Наш ребенок!

— Доля ребенка действительно неприкосновенна, — безжалостно продолжила Лера. — Ее не отнимут. Но твоя «супружеская» доля по тому самому договору, который ты подмахнула, влюбленная дура, равна примерно нулю. Он оставит тебе право проживания, пока София несовершеннолетняя. А потом — извини, мамочка, освобождай жилплощадь. И будет абсолютно прав. По бумагам.

Мир вокруг поплыл. Блестящий кафель, хромированные детали, мерцающий экран телевизора на стене — все это слилось в сплошное, бездушное пятно. Я была в ловушке. В петле, которую он затягивал годами, а я, дура, сама совала в нее голову и даже улыбалась.

— Что... что делать? — спросила я пустоту, в которую превратился мой мир. Голос был тихим, безжизненным.

Лера помолчала.

— Искать адвоката. Не просто юриста, а такого... асфальтоукладчика. Который умеет бороться с такими акулами. И стоять его услуги будут... ну, примерно как твой новый автомо-

биль. Если бы он у тебя был. И шансы... Маш, не обольщайся. 10%, что что-то отсудишь. Он все предусмотрел. Он умный. Мерзавец, но умный.

Она вздохнула, и в ее голосе впервые прорвалась беспомощность.

— Я, как подруга... Может, подумать о его предложении? Взять долги, но вырваться. Иначе он тебя в судах затаскает на годы. А алименты... будем биться, но он и их сведет к минимуму. Имеет право, кстати. А еще может оспорить отцовство, просто чтобы затянуть и побольнее ударить... Он же...

— Он же сволочь, — тихо договорила я. — Я поняла.

Разговор иссяк. Мы сказали друг другу что-то невнятное, я нажала «положить трубку». Телефон соскользнул с колен на кожаную обивку дивана. Я не потянулась за ним. Я сидела и смотрела сквозь стекло на свой синий «Фокус». Он казался таким маленьким, таким жалким. Как и я.

«Кто я? — пронеслось в голове. — Бездушная кукла, на которую вешали кредиты? Дура, променявшая все свои мечты на красивую картинку семейного счастья от Никиты? Мать-неудачница, которая не может защитить даже право своей дочери на нормальный дом?»

Слез не было. Внутри была пустота. Черная, бездонная, холодная. Я уставилась на свое отражение в глянце черного стеклянного столика передо мной. Размытые черты, темные круги под глазами, которые не скрыла тональная основа. Распущенные волосы, которые я не успела уложить с утра, потому что Софию нужно было отвезти в сад, а потом машина заглохла... В этом отражении была какая-то незнакомка. Потертая, сломанная.

И тут я почувствовала. За спиной. Не звук, не движение. Присутствие. Чужое, мощное, заполнившее собой все пространство за моей спиной. Мурашки побежали по коже. Я резко обернулась.

И застыла.

Он стоял в паре метров, возле стойки администратора. И смотрел прямо на меня. Не скользящим взглядом сотрудника. Пристальным, тяжелым, впитывающим.

Боже. Он был... Я не сразу сообразила, что поразило меня больше: его внешность или это давящее ощущение, будто в комнату вошел хищник, и все остальные сразу стали мебелью.

Он стоял, небрежно засунув руки в карманы черных брюк, идеально сидевших на его явно атлетичных бедрах. Пиджак — темный, дорогой, с широкими лацканами — был расстегнут, открывая темную, почти черную рубашку. Она была расстегнута на две пуговицы, и в вырезе виднелся темный завиток волос на груди и тонкая металлическая цепочка. Но одежда была просто оправой.

Лицо. Брутальное. Не голливудское, а настоящее. С резкими, будто высеченными из камня скулами, темной, идеально ухоженной бородкой, обрамлявшей упрямый, четкий подбородок. Волосы короткие, темные, уложенные с небрежной точностью. И глаза. Темные, почти черные. Взгляд был прямой, оценивающий, без тени смущения. Он не просто смотрел: он сканировал. Видел мои заплаканные глаза, мой испуг, мое полное поражение. И в этом взгляде не было ни капли жалости. Был холодный, острый интерес.

И... что-то еще. Что-то, от чего сердце екнуло сдавленно, не от страха, а от внезапного толчка памяти.

Этот взгляд... Эта линия скулы...

Картинка вспыхнула в мозгу, яркая и неожиданная. Сквер. Осень. Мы, парочка девчонк-студенток, хохотали над чем-то. А он стоял у чугунного забора, прислонившись плечом, и смотрел. Молча. На меня. Его все побаивались тогда. Он был из соседнего двора, ходил один, говорил мало, а дрался, ходили слухи, жестоко. Эльдар. Из параллельного.

И был один разговор... странный, неловкий. Я, пытаюсь быть доброй и понять его, ляпнула что-то вроде: «Ты... ты не такой, как все. Мне... немного страшно с тобой». Он тогда не

ответил ничего. Только усмехнулся каким-то односторонним, кривым движением губ и развернулся, ушел. И я больше его не видела. Словно растворился.

А теперь он стоял здесь. В этом храме денег и металла. И смотрел. Как тогда.

Он сделал легкий шаг вперед. Без спешки. Его движение было плавным, уверенным, полным скрытой силы. Шум мастерской — рев двигателей, шипение, звон — как будто притих, отступил перед тишиной, что висела между нами.

Его губы тронуло едва заметное движение, не улыбка, а скорее намек на нее. И тогда он заговорил. Голос был таким, каким и должен был быть: низким, бархатным, с легкой, сексуальной хрипотцой, которая прошла по моей коже мурашками.

— Маша. Привет.

Он сделал паузу. Его темный взгляд медленно, не торопясь, проехал по моему лицу, спустился к листку с диагнозом, сжато в моей судорожно стиснутой руке, и снова поднялся ко мне. Встретился с моим взглядом. И в этих глазах я прочитала все. Он слышал. Слышал мой разговор. Слышал слово «развел».

Он чуть наклонил голову, и следующая его фраза прозвучала не как вопрос, а как констатацию. Как приговор. Как... предложение.

— Проблемы?

Глава 2. Сделка с волком

«Проблемы?»

Его слово повисло в воздухе, тяжелое и липкое, как машинное масло. Я не могла ответить. Язык будто прилип к небу, а голос сбежал куда-то в самый темный угол грудной клетки.

Он не ждал. Просто кивнул в сторону коридора, что вел куда-то вглубь сервиса: тем же движением, каким когда-то указывал направление из подворотни.

— Пойдем.

Не «можно я тебя приглашу?» Не «давай поговорим». Просто — пойдем. Приказ, сказанный таким тоном, что послушаться было невыносимо. Как будто он уже знал, что я за ним последую. И самое страшное: он был прав.

Я поднялась с дивана, ноги ватные. Шла за его широкой спиной, ощущая на себе тяжесть чужих глаз. Клиент в дорогом пальто, разговаривающий по телефону, на секунду отвел взгляд от экрана, и его холодное, оценивающее скольжение по мне было почти осязаемым. Мужик в замасленном комбинезоне, пронесший мимо карданный вал, бросил короткий, цепкий взгляд и тут же отвернулся.

За стойкой, где висели ключи и лежали папки с заказами, сидел крепкий мужчина с короткой стрижкой и внимательными глазами. Он что-то обсуждал по рации, но когда Эльдар проходил мимо, на секунду замолчал, кивнул едва заметным, почтительным кивком и тут же вернулся к разговору. Эльдар не был простым посетителем. Это ощущалось в атмосфере. Здесь он был чем-то вроде местного божества. Законом.

А я, в своих поношенных джинсах и с лицом, размытым от слез, чувствовала себя чужаком, нарушившим границы его четко отлаженного, мужского мира.

Кабинет. Если это можно было так назвать.

Комната была просторной, но почти пустой. Никаких папок, никаких скучных офисных растений. Посередине массивный стол из темного, старого дерева, на котором лежал только ноутбук с потухшим экраном. Но стены... Стены были главным. На одной, вместо дипломов, висели ключи. Десятки, если не сотни ключей от автомобилей. Они блестели тусклым металлическим светом — трофеи? Гарантийные залого? Память о каждой машине, что прошла через его руки?

На другой стене — фото: несколько мужиков в заляпанных грязью комбезах стоят на фоне шикарного, но измазанного по самые фары внедорожника. На горизонте — бескрайнее поле и предгрозовое небо. Они смеются, показывая в камеру черные от мазута пальцы.

Запах здесь был другим. Не кофейный, не кожаный. Пахло... Властью. Здесь пахло абсолютной, ничем не прикрытой властью.

— Садись.

Эльдар обогнул стол, но сам не сел в большое кожаное кресло. Вместо этого он пристроился на краю стола, прямо напротив того кресла, в которое я опустилась. Он буквально навис над мной.

Мозг лихорадочно искал, что сказать, чтобы разрядить эту невыносимую, звонкую тишину.

— Я... я тут раньше несколько раз была, в автосервисе, — прозвучало глупо и жалко. — Но никогда тебя не видела.

Он посмотрел на меня. Уголок его рта дрогнул. То ли усмешка, то ли просто игра света от окна. Его взгляд был таким же тяжелым и всепроникающим, как тогда, у забора в сквере.

— Я тут не часто, — сказал он, и его бархатный голос, казалось, вибрировал в самом воздухе между нами. — Только когда интересно.

А его взгляд добавил: «И сейчас, Маша, стало чертовски интересно».

И тут до меня дошло. «Вольфрам». Сервис с безупречной репутацией, куда я тащила свою машинку последние три года в надежде на честный ремонт. Мое последнее прибежище. Это был его мир. Он вырос. Из того угрюмого парня с окраины, которого все побаивались, он превратился в этого человека. Владельца. Силу.

Это осознание ударило по мозгам сильнее, чем цифра в восемьдесят тысяч. Страх смешался с чем-то странным, щекочущим нервы: с проблеском надежды.

— Рассказывай, — он откинулся чуть назад, но его присутствие все равно давило. — Все.

И я рассказала. Уже без слез, почти без эмоций. Как будто докладывала диагнозу о симптомах своей жизни. Муж. Измена. Не просто так, а с расчетом.

— Все кредиты оформлены на меня. Он говорил, у физлица ставки лучше, чем у его ИП. Квартира в залоге под аренду его склада. Он говорит, уйду по-тихому, то долги на нем, он их «постарается» оплатить. Начну войну, он обратит кредиты в мой личный долг перед его фирмой, и я останусь должна ему огромные деньги. Без жилья и с долгами по уши.

Эльдар слушал. Молча. Не перебивая. Его лицо было каменной маской. Ни тени жалости или возмущения. Только легкое постукивание указательным пальцем по кромке стола: ровное, как тиканье метронома.

Он не слушал историю несчастной женщины. Он анализировал схему. Искал слабые звенья, точки давления, рычаги. Как механик смотрит на двигатель, определяя, по какой причине весь механизм встал.

Когда я замолчала, в комнате снова воцарилась тишина. Только далекий гул из цеха напоминал, что жизнь там кипит.

— Твой Никита, — начал Эльдар медленно, растягивая слова, будто давая им впитаться, — он как паук. Умный, терпеливый. Сплел вокруг тебя идеальную паутину. Из бумаг. Договоров, расписок. Ты пытаешься рвать эту паутину изнутри и только сильнее запутаешься. Адвокаты... они будут месяцами жевать эту бумажную кашу. За твои же, вернее, за его же, в конечном счете, деньги. А времени у тебя нет. Денег тем более.

Я молча кивнула. Лера говорила то же самое, только другими словами.

— Паук сидит не в паутине, — продолжил он, и в его голосе появились стальные нотки. — Он сидит на ветке. Его мир — это не бумажки. Его мир — репутация. Комфорт. Нервы. Та красивая картинка успешного бизнесмена, которую он так любит. Так вот, — он чуть наклонился ко мне, и запах его — сандал, металл, мужчина — стал острее. — Мы эту ветку хорошенько тряхнем.

И он набросал план. Общими мазками, без кровавых подробностей, как будто перечисляя очевидные вещи.

— Во-первых, — начал он, постукивая пальцем по столу, — разведка. У меня есть люди. Везде. Среди дальнобойщиков на трассе. На заправках, где его фургоны заправляются. В службе эвакуации. — Он посмотрел на меня, и в его взгляде читалась уверенность человека, который знает цену информации. — Даже в офисах его клиентов сидят те, кто мне... должен. Они узнают, кто за ним стоит на самом деле. Какие контракты висят на волоске. На чем он режет углы, нарушая правила. И, разумеется, все про его новую страсть. Кто, где, на что тратит.

Я молча кивнула, сжимая пальцы. Это была не слежка, это была сеть.

— Во-вторых, — продолжил Эльдар, и в его глазах мелькнуло что-то вроде холодного веселья, — бытовуха. Его Lexus. Его гордость и лицо. Он начнет жить своей жизнью. Не сомневайтесь — нет. Он будет бесить. Сигнализация будет орать под его окнами в три ночи. Колесо будет спускать ровно тогда, когда он уже опаздывает на важную встречу. Его будут эвакуировать с парковки, где он припарковался по всем правилам, — он сделал паузу, давая мне почувствовать каждую деталь. — Мелочь. Но та самая мелочь, что сводит с ума таких, как он. Перфекционистов, верящих, что они контролируют каждый винтик.

— А в-третьих, — голос его стал тише, весомее. Он усмехнулся холодно, беззвучно. — Репутация. В его мире, где доверяют грузы на миллионы, слухи убивают быстрее любой проверки. Достаточно будет пустить шепоток по нужным кабинетам...

Он наклонился чуть ближе, и я невольно замерла.

— «Поляков? Слышал, с женой грязно разводится, все в судах. Да и схемы у него сомнительные... Ненадежный. Рискованно с таким дела иметь», — он откинулся назад, разводя руками. — И его контракты начнут таять. Не потому что он плохой логист. А потому что он станет неудобным. Это удар, Маша, который не парировать ни одним договором.

Я слушала, и у меня перехватывало дыхание. Этот мир — мир давления, полунамеков, незримого насилия — был мне абсолютно, до мурашек, чужд. Но в словах Эльдара была железная, пугающая логика. Логика улицы. Логика силы, не признающей бумаг. Против нее все хитросплетения Никиты, все его расписки и договоры, казались жалкими каракулями, которые можно смять одной ладонью.

А эта ладонь сейчас лежала на краю стола, в сантиметре от моей руки. И принадлежала ему.

Эльдар закончил и откинулся назад, все так же сидя на столе. Смотрел на меня оценивающе, будто решал, выдержу ли я то, что он задумал.

— Это, Маша, — произнес он отчетливо, — и будет настоящий развод.

Я смотрела на него, не понимая.

Он наклонился снова. Ближе. Так близко, что я видела каждый волосок в его ухоженной бородке, темные зрачки, в которых не было ни искорки тепла. Его голос упал до опасного, интимного шепота, который проник под кожу, заставил сжаться живот.

— Ты думаешь, развод — это когда суд делит диваны и ложки? — он покачал головой. — Нет. Развод — это когда один выходит из игры целым и с добычей. А второй остается... в полной жопе. Сломанный. Твой муж тебя развел. По-крупному, с размахом. А теперь... — в его глазах вспыхнул тот самый, хищный огонек, — мы разведем его. Жестко. Без правил. Он сам приползет и отдаст тебе все. И кредиты свои заберет, и квартиру отпишет, и будет умолять, чтобы это закончилось. Вот это, детка, и есть развод.

От этих слов по спине побежали мурашки. Не только от страха. От чего-то другого. Темного, запретного, возбуждающего. Это было обещание не просто справедливости, а мести. Грязной, беспощадной, тотальной. И часть меня, та самая, что годами молчала и терпела, жадно отозвалась на это.

И тогда, сквозь весь этот угар обещаний и страха, до меня дошла простая, как гвоздь, истина. Такие люди, как Эльдар, ничего не делают просто так. Ни за красивые глаза. Тем более за мои заплаканные.

Сердце колотилось где-то в горле. Я сглотнула ком, который вдруг снова там образовался.

— Эльдар... — мой голос прозвучал хрипло, чужим. — А что... что мне будет это стоить?

Он не ответил. Не сразу.

Медленно, с той же звериной грацией, он поднялся со стола. Прошелся к большому окну, которое выходило прямо в цех. Встал спиной ко мне, засунув руки в карманы брюк. Смотрел на свое царство: на вспышки сварки, на механиков, сновавших вокруг железных монстров. Его силуэт на фоне яркого света цеха казался огромным и абсолютно черным.

Тишина в кабинете стала физической, давила на уши. Я ждала. Ловила каждый его вздох, которого не было.

Потом он обернулся. Лицо его было в тени, и только глаза ловили отсветы из цеха, мерцающая холодным, нечеловеческим блеском. Он смотрел на меня долго. И в этом взгляде было все: и насмешка над моей наивностью, и холодный расчет, и что-то еще... что-то глубокое, личное, от чего стало не по себе.

Когда он наконец заговорил, его голос был тихим, но каждое слово отпечталось в мозгу, как клеймо.

— Дорого, Маша. Очень дорого.

Глава 3. Цена и аванс

Слова повисли в кабинете, как тяжелый, угарный дым: «Дорого, Маша. Очень дорого».

Внутри все сжалось, а потом странным образом отпустило. Дальше падать было некуда. Я посмотрела на него прямо, почти без дрожи. Что он мог взять у меня? Душу? Пожалуйста, она уже была в аду. Тело? Смрадный приз за все мои страдания. Может, только долю Софийки, но даже ему это было не под силу.

— Что ты хочешь? — мой голос прозвучал тихо, но четко, почти равнодушно. — Мое тело? Так скажи прямо.

Мне почему-то казалось, что это будет именно оно. Самый простой, самый грязный обмен. Я уже готова была либо кивнуть, либо плюнуть ему в лицо и уйти. Но Эльдар... Он застыл на секунду, и в его темных глазах промелькнуло что-то неожиданное. Не похоть. Скорее... разочарование? Досада?

Он медленно, очень медленно покачал головой. Уголок рта дернулся в кривой, почти невидимой усмешке.

— Тело – это дешевая сделка, Маша. Базарная, — его голос был низким, бархатным, и каждое слово падало на меня, как камень. — А я говорю о дорогой.

Он сделал шаг от окна, приблизился.

— Я куплю твое время, — сказал он, и его взгляд впился в меня, не давая отвести глаз. — Твое внимание. И право быть рядом. Ты будешь приходить сюда. Отчитываться. Слушать. И говорить. Все, что думаешь. Все, что боишься сказать ему. Всю свою злость. Без прикрас. Без этих дурацких «я не знаю».

Он наклонился чуть ближе, и я почувствовала, как по спине побежали мурашки: не от страха, а от чего-то другого. Острого, щекочущего.

— Ты будешь моим... стратегическим активом. А за активом нужно следить, его нужно понимать. Вот и вся цена. Твои мысли, твое время, твоя правда. До конца этой войны.

Я слушала и чувствовала, как внутри что-то сдвигается. Облегчение? Да, конечно. Он не требовал того, чего я боялась больше всего. Но этот новый страх был тоньше, опаснее. Он просил того, чего у меня не было уже много лет: права быть собой. Настоящей. Злой, растерзанной, без притворства. Это было... интимнее любой близости.

— А что... потом? — прошептала я. — Когда война закончится?

Он откинулся назад, его взгляд стал непроницаемым.

— Об этом поговорим, когда выиграем войну с твоим мужем. А мы ее выиграем.

И прежде чем я успела что-то ответить, он повернулся, взял со стола тот самый листок с диагнозом моего «Фокуса» и, не глядя, набрал номер на стационарном телефоне.

— Сергей. Синий «Фокус», десятилетка, что в углу. Диагноз – блок управления. Заменить на оригинал, прошить под нее. Сегодня.

Он послушал пару секунд, его взгляд скользнул по мне, оценивающе.

— Нет, не клиенту. Мне. В приоритете.

Положил трубку. Десять секунд. Моя главная проблема, из-за которой я сегодня здесь рыдала, была решена. Я сидела, ошарашенная, не в силах вымолвить слово.

— Ты... Зачем? — наконец выдавила я. — Я не могу...

— Можешь, — перебил он коротко, и в его голосе прозвучали стальные нотки. — Ребенка в сад возить надо. На работу. На такси дорого, ненадежно. Это не подарок, Маша.

Он снова посмотрел на меня, и в его глазах я прочитала то, о чем он только что говорил: холодный, хищный расчет.

— Это топливо. Для войны. Считай, вложение в общее дело. Чтоб ты по мелочам не дергалась. У тебя теперь другие задачи.

Я кивнула, понимая. Это был аванс. Первая ниточка, которая привязывала меня к нему. Но вместе с этой ниточкой пришло и первое за долгое время ощущение... защиты. Пусть и такой странной.

— Так, — Эльдар потянулся к блокноту, оторвал листок и что-то быстро набросал. — Теперь о твоей части работы. Муж заплатит. Добровольно-принудительно.

Он протянул мне листок. На нем был номер счета «Вольфрама» и сумма: 85 000 #. Он даже добавил пять тысяч за «срочность». Язва.

— Счет уже оформлен, — сказал он, видя мое удивление. — Моя машина, мой сервис, мои правила. Твое первое задание вполне материальное. Сегодня вечером ты положишь его Никите на стол. Когда он будет ужинать. И скажешь ровно одну фразу. Заучи.

Он сделал паузу, давая мне осознать.

— Ты скажешь: «Никита, это счет за ремонт моей машины. Ошибка в управлении семейным бюджетом – твоя. Исправляй. Деньги должны быть на счете «Вольфрама» к девяти утра».

Я представила эту сцену. Его лицо, искаженное злостью и непониманием. Мой живот сжался в комок старого, привычного страха.

— Он взорвется... — прошептала я. — Он никогда...

Эльдар усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли тепла.

— Иначе придет эвакуатор. И его гордость, его Lexus, отправится на штрафстоянку. Не на кирпичи – это слишком по-детски. На официальную штрафстоянку, куда вход только по паспорту и после оплаты всех услуг.

Он посмотрел на меня, в его глазах читался холодный расчет.

— Но тебе об этом ему говорить не нужно. Ты просто вручаешь счет и уходишь.

Я пыталась осмыслить.

— А... а если он не заплатит? Если вызовет полицию, нажалуется?

— Пусть попробует, — Эльдар пожал плечами, как будто речь шла о прогнозе дождя. — Машина будет припаркована с нарушением. Эвакуация законна. Полиция разведет руками. А он потеряет время, нервы и репутацию: будет метаться, когда у него, я уверен, на утро запланировано что-то «важное». У таких, как он, всегда что-то важное. Так что отказ для нас даже выгоден. Пусть побольше побеждает.

— Но тогда... мой ремонт? — робко спросила я.

— Твой ремонт я уже оплатил, — отрезал он. — Я свои долги не перекладываю. Если он не заплатит – это его долг передо мной. А я со своими должниками разбираюсь куда жестче. В итоге он заплатит и за твою машину, и за эвакуацию своей, и за мое потерянное время. Просто путь будет длиннее и больнее. Выбор за ним.

Я молчала, потрясенная. Это была не просто угроза. Это была система. Жесткая, железная, просчитанная на несколько ходов вперед. В ней не было эмоций. Только логика, давление и уверенность в том, что победа – лишь вопрос времени и цены.

Я кивнула, сжимая счет. Первое задание было материальным. Второе, я понимала, уже ждало меня дома: не дать страху перед истерикой мужа съесть эту только что родившуюся твердость. Это был мой первый шаг. Мое первое оружие.

И тут до меня дошло. Машины-то сейчас нет. А Софию...

— Эльдар... — я неуверенно подняла на него глаза. — А сегодня... Сегодня Софию из сада нужно забрать. Машины нет. Никита... он, наверное, откажется. Скажет, что это мои проблемы, а у него куча дел.

Я ждала, что он скажет что-то вроде «разбирайся сама». Но он снова, без тени сомнений, потянулся к телефону. Набрал другой короткий номер.

— Саня. У меня девочке нужен личный водитель на сегодня и завтра утро. Детсад «Солнышко», потом по адресу...

Он назвал мой домашний адрес. Без запинки. Он знал. Он все знал. Даже в какой садик ходит моя дочь. Значит... он никогда не терял меня из виду? Эта мысль была одновременно пугающей и пьяняще теплой.

— Да, именно так, — продолжал Эльдар, его голос был ровным, деловым. — Все за мой счет. Отнесись как к боевой задаче.

Он положил трубку и посмотрел на меня. В его взгляде не было ни намека на сантименты. Только уверенность.

— Все решено. Саня будет ждать тебя у выхода. Завтра утром отвезет тебя в сад и сюда, за машиной.

Я просто кивнула. Слова застряли в горле. Он решал мои проблемы одной левой, даже те, о которых я только собиралась заикнуться. Это была забота? Или просто часть расчета? Не важно. Это работало.

Мы вышли из кабинета. Я шла за его широкой спиной, но теперь не чувствовала себя беспомощной тенью. В груди что-то твердело, как будто вливали расплавленный металл: тяжелый, но дающий форму.

У выхода из сервиса, у черного внедорожника, стоял мужчина лет сорока в темной, добротной куртке. Саня. Он кивнул мне с тем же безэмоциональным, но уважительным видом, что и мужик за стойкой.

Я остановилась, глядя на свой синий «Фокус», который уже куда-то откатали вглубь цеха. Потом повернулась к Эльдару. Плечи сами собой расправились. Спина выпрямилась, будто с нее сняли невидимый груз.

— До завтра, Эльдар, — сказала я, и мой голос прозвучал ровнее, тверже, чем я ожидала. — Я принесу отчет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.